

УДК 314.727

*Бреславский А.С.
Breslavskij A.S.*

Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков

Suburbanization in the Post-Soviet Buryatia and Internal Migration Flows

Основной замысел статьи заключается в стремлении охарактеризовать процессы субурбанизации в постсоветской Бурятии. Анализируя случай города Улан-Удэ, автор показывает, как внутренняя миграция в республике повлияла на его пригородные поселения, как изменила их внешний облик, инфраструктуру, структуру местных сообществ.

Ключевые слова: *пригороды, субурбанизация, внутренняя миграция, Бурятия, Улан-Удэ*



The processes of suburbanization in the post-Soviet Buryatia are characterized in the article. Analyzing the case of Ulan-Ude, the author shows how the internal migration in the republic affected his suburban settlements and changed their appearance, infrastructure, the structure of local communities.

Key words: *suburbs, suburbanization, internal migration, Buryatia, Ulan-Ude*

В России, массово урбанизированной в советские годы, процессы субурбанизации – роста пригородных зон крупных городов – получили активное развитие в основном лишь в последние 10-15 лет. Постепенно, вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами-миллионерами, население которых в постсоветский период в основном лишь росло, в эти процессы оказались вовлечены и региональные центры – столицы республик, областей, краёв и пр. По общероссийской тенденции за последние 20 лет они активно стягивали население из близлежащих сельских поселений и городов, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры. При том, что сегодня субурбанизация в регионах России принимает всё большие масштабы, «обретая своё лицо», пока мы не имеем возможности проводить широкие сопоставительные, сравнительные исследования российских пригородов, поскольку региональных исследований по этой тематике практически нет [3; 4; 7; 8]. Решить эту ситуацию способны широкие эмпирические обследования в регионах. Именно эмпирика даст возможность выстраивать аналитические, сопоставительные модели отечественной субурбанизации.

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, к.и.н., младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). **E-mail:** anabres05@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Большая игра» в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе), проект № 12-03-00007а.

В данной статье мы рассмотрим, в частности, как субурбанизация происходила в одном из сибирских регионов России – в постсоветской Республике Бурятия. Речь пойдёт о столице субъекта – городе Улан-Удэ. Случай Улан-Удэ в этом смысле очень показателен. За последние 20 лет город стал главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, на что указывают и проводимые исследования [2;6;9;10]. При том, что численность населения Бурятии в постсоветский период лишь убывала, численность Улан-Удэ с каждым годом лишь продолжает расти. В частности, с 1989 г. по 2010 г. официальная численность жителей Бурятии сократилась с 1038, 2 тыс. до 972, 0 тыс. человек (на 92, 5 тыс. человек), а численность Улан-Удэ увеличилась с 352, 5 до 404, 4 тыс. чел. (на 51, 9 тыс. чел.) [11]. И это несмотря на то, что именно в столице Бурятии ежегодно регистрируются наибольшие показатели по миграционному оттоку среди прочих поселений республики. Обозначенные миграционные потери город ежегодно восполняет, главным образом, за счёт миграционной прибыли и естественного прироста населения. Не в последнюю очередь это происходит благодаря внутренней миграции из сельских районов. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жильё, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [5]. Вместе с тем, к концу 2000-х гг. стало очевидно, что достаточно значительная по площади территория Улан-Удэ уже не может обеспечить всё возрастающий спрос на земли в черте города. В этой ситуации мигранты всё чаще стали обращать внимание на пригородные земли. Что они представляют собой сегодня? Какого рода пригородные поселения окружают город Улан-Удэ? Как столица Бурятии, являющаяся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, изменила эти поселения и местные сообщества за последние двадцать лет? Какого рода количественные и качественные трансформации они сегодня претерпевают? Ответим на эти вопросы далее. Отметим сразу, что каких-либо специальных академических исследований, связанных с изучением пригородных поселений Улан-Удэ и того влияния, которое на них оказала внутренняя миграция в регионе, до этого не проводилось. В этой связи основными материалами для нас выступили собственные данные нарративных и фокусированных интервью (всего 23 интервью), включённого наблюдения (2010 – 2013 гг.), а также официальная статистика по пригородным сёлам. В качестве исследовательских кейсов выступили сёла Нижний Саянтуй (второе название – Вахмистрово), Сужа, Нурселение, Поселье и Эрхирик.

Пригородная зона Улан-Удэ

Пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав городского округа, составляют исключительно сельские районы республики. Город окружают четыре таких района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. В своём исследовании мы анализировали ситуацию во всех пригородных поселениях Улан-Удэ, находящихся на расстоянии 30 км от общегородского центра. В рамках исследования мы обозначили эту территорию, включающую, по нашим подсчётам, 21 поселение, «пригородной зоной Улан-Удэ». Суммарная численность населения в них, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составляет чуть более 37 тыс. чел. [11], то есть примерно 9% от общей численности Улан-Удэ за этот год (404, 4 тыс. чел. [11]). Показательно в этом смысле, что население пригородной зоны за последние два переписных периода (1989 – 2002, 2002 – 2010) увеличилось почти в 2, 2 раза, в то время как официальная численность Улан-Удэ – лишь на 15 %.

В постсоветский период миграционная притягательность Улан-Удэ сделала привлекательными для мигрантов и эти пригородные террито-

рии. Вместе с тем, как мы можем сейчас увидеть, это обстоятельство по-разному повлияло на них. Где-то рост населения и числа домохозяйств за последние 10-15 лет привёл к кратному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравнив данные по численности и размещению населения в этих сёлах за два последних переписных периода, мы выявили, в частности, что два из них – Поселье и Нур-Селение – стали своего рода «рекордсменами» в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8 %), а в трёх (Тапхар, ст. Санятуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660 % [11; 12]. Показатели эти, безусловно, сложились главным образом за счёт миграционного прироста.

Сами по себе представленные поселения разнородны – они серьёзным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района (Иволгинск), и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений: школы, детсады, поликлиники и т.п. Большую их часть объединяет одно – советское прошлое: в XX в. они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах, небольших промышленных предприятиях, а также на линии железной дороги. После распада Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства, все сельскохозяйственные предприятия в них постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда. Все пригородные поселения, о которых идёт речь, вплоть до середины-конца 1990-х гг. были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородами» Улан-Удэ в том качестве, в котором они воспринимаются сегодня. Здесь ещё не действовал соответствующий режим жизни, определяющий связь этих поселения с городом. С начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые сёла, в советские и в 1990-ые годы считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать всё больший интерес у потенциальных переселенцев.

Произошедшие изменения за последние десять лет выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий – увеличением потока мигрантов – трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, ещё с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность. Насколько существенными оказались эти изменения, какова их сущность – об этом поговорим в следующих разделах.

Мигранты

Кто же осваивает пригороды Улан-Удэ? Где находится сам источник освоения пригородов? В самом городе или в сельской Бурятии? Что мы знаем о мигрантах в пригородах столицы республики? Кто они? В ходе исследования мы выяснили, что речь, главным образом, идёт о двух их значительных группах, а именно: о сельских жителях Бурятии, переехавших «поближе к городу», и, собственно, городских жителях, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жильё в сельском пригороде. Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал широко распространённой практикой [1]. Между тем по пути в «Город», который для сельчан, действительно, является городом с большой буквы, часть из них встречает непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в его пригородах. В основном, это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, квартиры/дома или их аренды. Во многом именно по финансовым причинам многие сельские мигранты, их семьи выбирают второй путь и оседают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

Сельские мигранты в каждом из изучаемых поселений составляли ежегодно не менее половины новых жителей, а зачастую и подавляющее большинство. С точки зрения доходов подавляющая часть приезжих сельчан – люди со средним достатком и ниже среднего. Финансово обеспеченных выходцев из села в пригородах – единицы, обыкновенно они строят жильё в более привлекательных микрорайонах в черте города. Также мало, но всё-таки есть, и очень бедные семьи, которые годами находятся на грани физического выживания. Но всё-таки «костяк» новых сельских переселенцев – это семьи со средним доходом (совокупный доход семьи в месяц от 20-25 до 30-35 тыс. в месяц).

По этническому составу в структуре сельских мигрантов, обосновавшихся в пригородах Улан-Удэ, за последние 10-15 лет выделяются буряты и русские. В количественном отношении преобладает бурятское население, особенно в поселениях Левобережья Селенги (Суже, Нур-Селении, Поселье).

В отношении возраста сельских мигрантов ситуация на момент исследования выглядела достаточно рельефно – не сглажено. Выделяется возрастная когорта от 30 до 45 лет и старше. Заселяются в подавляющем большинстве семьями от 3-4 человек и более. С парами среднего возраста и их детьми часто живут родители, которых после обустройства на новом месте они забирают из деревни к себе. Пригород заселяется именно семьями. Это характерно и для второй значимой группы новых жителей – самих горожан.

Переезд жителей Улан-Удэ в смежные сельские поселения – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Данные собранных интервью и материалы включённого наблюдения всё-таки дают представление о численности городских семей в пригородах: их мало. В частности, в пригородных поселениях левобережья Селенги, не входящих в городской округ, их не более 5-15 %. К настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Отметим, что среди жителей рассматриваемых пригородных сёл на момент обследования нами не было зарегистрировано сколь-нибудь значительного количества иностранных мигрантов, равно как и переселенцев из других субъектов России. То же характерно для приезжих из других регионов страны: в пригородах их единицы. И это в основном

жители соседних с Бурятией регионов: Иркутской области, Якутии и Забайкальского края. И, как правило, это выходцы из сельских районов.

Таким образом, в среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990-ые и 2000-ые гг. и, собственно, сами горожане. В количественном отношении во всех 5 рассмотренных нами случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста и доходами среднего и ниже среднего уровня. В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий стало именно село, а главными участниками – сельские мигранты. И именно их приоритеты и возможности в жилищном строительстве определили основные тенденции в застройке пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период. Каким же образом происходило расширение и застройка этих поселений? Какого рода количественные и качественные изменения претерпела архитектура и социально-бытовая инфраструктура пригородных сёл? Становятся ли они более благоустроенными или сохраняют прежний деревенский облик? Рассмотрим эти и другие вопросы далее.

Инфраструктура и внешний облик

Массовое заселение пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период не могло не отразиться на их внешнем облике. Напомним, что все они сформировались в советские годы при совхозах и их отделениях. К концу 1980-х гг. они представляли собой в общем-то типичные поселения сельской Бурятии. В частности, в Суже и Нижнем Саянтуе располагались управления совхозов, в Нижнем Саянтуе и Эрхирик – сельсоветы, в Поселье – учхоз, Нурселение оставалось небольшим поселением сельскохозяйственного назначения. Все эти сёла в основном были застроены одноэтажными деревянными домами на участках усадебного типа.

На момент исследования (2010 – 2013 гг.) все они в разной степени изменились под воздействием массового заселения новыми жителями. С точки зрения формирующегося архитектурного ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) были выполнены из дерева, сохранили утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно («по-хозяйски»). Буквально до конца 2000-х гг. во всех из 5 рассматриваемых нами случаев (Сужа, Нур-Селение, Поселье, Эрхирик, Нижний Саянтуй) среди новостроек практически отсутствовали многоэтажные дома (от 2 этажей и выше). Все постройки были выполнены из дерева, отсутствовали, в частности, кирпичные дома и коттеджи (и сегодня их единицы).

Надо отметить, что во многих случаях (это особенно характерно для поселений Левобережья Селенги) участки захватывались и обустроивались самовольно, то есть незаконно. Целые улицы и кварталы жилых домов возводились без официального разрешения местной администрации и контрольных органов и, соответственно, сами жители не имели никаких документов, подтверждающих право собственности на земли и дома. Сельские бюджеты недополучали земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также, что немаловажно, лишались одного из своих ключевых неналоговых доходов – доходов от продажи земельных участков. В связи с этим в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были решены к настоящему времени. Среди наиболее

важных из них следует отметить следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания и правопорядка. К настоящему времени в пригородных поселениях слабо развита потребительская инфраструктура, резко отличающаяся их, допустим, от городских микрорайонов, даже окраинных. Ни в одном из рассматриваемых поселений нет крупных супермаркетов, есть лишь небольшие магазины типичного сельского типа. Как правило, есть одна-две парикмахерские, аптеки, несколько столовых-кафе, иногда служба такси и всё. В пригородных сёлах ограничены возможности культурного досуга и просто приятного досуга как такового. Несмотря то, что рассматриваемые сёла в последние 10-15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений.

Заключение

Цель представленного исследования заключалась в стремлении ответить на уже обозначенный вначале статьи вопрос: как Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил свои пригородные поселения и жизнь местных сообществ за последние 20 с лишним лет? Анализ собранных эмпирических данных позволил нам прийти к следующим ключевым выводам.

1. Основным источником освоения пригородных территорий (поселений) Улан-Удэ в постсоветский период стала «сельская Бурятия», а ключевыми участниками – сельские мигранты, нацеленные на улан-удэнский рынок труда. Речь идёт главным образом о семьях с доходом среднего уровня и ниже среднего.

2. Пригородную зону Улан-Удэ к настоящему времени образуют достаточно разнородные по численности, территории, административно-экономическому статусу поселения. Массовая сельская миграция в Улан-Удэ повлияла на них в разной степени. Большинство из них, утратив прежнее советское сельскохозяйственное значение, превратились в пригородные «спальные» микрорайоны на границе с Улан-Удэ.

3. В ходе массовой застройки – расширения пригородных поселений в целом качественно не изменилась архитектура и внешний облик этих поселений. Большинство индивидуальных жилищных построек – одноэтажные, выполнены из дерева, имеют утилитарное значение, без каких-либо архитектурных изысков.

4. Приоритет застройки перед решением инфраструктурных проблем, отчётливо прослеживающийся на протяжении изучаемого периода привёл к тому, что в пригородных поселениях возникло множество острых социально-бытовых проблем, связанных с электро- и водоснабжением, транспортной доступностью, доступностью дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, обеспечением правопорядка.

Будущее улан-удэнских пригородных поселений сегодня во многом зависит уже от самих местных жителей и сельской власти. Практика благоустройства застроенных территорий последних лет не позволяет пока делать однозначных выводов о том, получают ли эти территории (дома, улицы, микрорайоны в целом) привлекательный облик и развитую инфраструктуру или же сохраняют свой неприглядный вид. Учитывая, что основным источником освоения пригородов Улан-Удэ остаётся село, а главными участниками этого процесса – выходцы из сельской Бурятии,

причём не с высоким достатком, скорее всего, процессы благоустройства растянутся во времени.



Литература

1. Бреславский А.С. Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 55-61.
2. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002, 1 ноября. С. 4.
3. Григоричев К.В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2012. С. 422-446.
4. Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX-начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1(8). С. 100-107.
5. Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов. В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. С. 129-154.
6. Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве «самостроя» современного Улан-Удэ, этнографический очерк / А.В. Михалев // Известия Алтайского госуниверситета. 2008. № 4-5 (60). С. 142-146.
7. Нефедова Т. Российские пригороды: горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., ОГИ, 2011. С. 374-399.
8. Петри О.В. Аксенов К.Э., Куртиков С.А. Пригородные закрытые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология, География. 2012. № 1. С. 86-98.
9. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукаев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
10. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.
11. Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2012. 82 с.
12. Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. Улан-Удэ. 34 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Sel'skie migranty v postsovetskom Ulan-Udeh: ozhidaniya, strategii, praktiki rasseleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 4. S. 55-61.
2. Budaeva TS.B. Migratsiya naseleniya v zerkale obshhegosudarstvennykh peremen // Buryatiya. 2002, 1 noyabrya. S. 4.
3. Grigorichev K.V. «Selo gorodskogo tipa»: migratsionnye metamorfozy prigoroda. V poiskakh teoreticheskikh instrumentov analiza // Mestnye soobshhestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX-XX i XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk, 2012. S. 422-446.
4. Degtyarev D.S. Osnovnye ob"ekty prigorodnoj zony Tomskaja vo vtoroj polovine XIX-nachale XX vv., ikh tipy i funktsii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2012. № 1(8). S. 100-107.
5. Karbainov N.I. «Nakhalovki Ulan-Udeh»: nichejnaya zemlya, nepravil'nye shamany i pravo na gorod // Davydov. V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Tselishheva V.G. Aginskaya street, tanets s ognem i alyuminievye strely: privoenie kul'turnykh landshaftov. Khabarovsk, Khabarovskij nauchnyj tsentr DVO RAN, 2006. S. 129-154.
6. Mikhalev A.V. Konstruirovaniye traditsionnosti v prostranstve «samostroya» sovremennogo Ulan-Udeh, ehtnograficheskij ocherk / A.V. Mikhalev // Izvestiya Altajskogo gosuniversiteta. 2008. № 4-5 (60). S. 142-146.
7. Nefedova T. Rossijskie prigorody: gorozhane v sel'skoj mestnosti // Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen. M., OGI, 2011. S. 374-399.
8. Petri O.V. Aksenov K.EH., Kurtikov S.A. Prigorodnye zakrytye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7: Geologiya, Geografiya. 2012. № 1. S. 86-98.
9. Randalov YU.B., KHaraev B.V., CHukreev P.A. Migratsionnye nastroyeniya sel'skikh zhitelej: dejstvuyushhie faktory i tendentsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya). Ulan-Udeh, Izd-vo BNTS SO RAN, 2005.
10. Sodnompilova M.M. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovaniye translokal'nogo prostranstva // Gorod i selo v postsovetskoj Buryatii: sotsial'no-antropologicheskie ocherki. Ulan-Udeh, Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 163-184.
11. CHislennost' i razmeshheniye naseleniya Respubliki Buryatiya: stat. sb. № 02-03-13 / Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Buryatiya. Ulan-Udeh, 2012. 82 s.
12. CHislennost' naseleniya Buryatskoj ASSR, noyabr' 1990 g. Ulan-Udeh. 34 s.